

УДК 316.485.26

УЧЕНИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О ТЕРРОРЕ И ЕГО ОТГОЛОСКИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

© 2013 Е. А. Цуканов, И. В. Цуканова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 сентября 2012 года

Аннотация: В представленной работе на тему «Учение Ф. М. Достоевского о терроре и его отголоски в современной политической практике» рассматривается проблема генезиса и трансляции революционно-деструктивных идей в отечественной литературно-философской традиции. Авторы пытаются обосновать тезис о возможном технологическом заимствовании некоторых наиболее радикальных мыслей Ф. М. Достоевского геополитическими оппонентами России с целью проникновения в пространство культурно-ментальных кодов российского суперэтноса и управления им в собственных интересах. На протяжении XIX–XXI веков эти интересы оставались неизменными: лишение России государственного суверенитета, подрыв национального самосознания, хаотизация деятельности административных структур. В статье предлагаются оригинальные способы противостояния данным угрозам.

Ключевые слова: террор, политика, дискурс, культура, чудесное, культурные коды, карнавал, управляемый хаос, режиссура революций, либерализм, социальные технологии, менеджмент событий, информационные войны.

Annotation: The article «F. M. Dostoyevsky's study on the nature of terror and its traces in modern political practice» deals with the problem of genesis and transferring of revolutionary destructive ideas in Russian literature and philosophical tradition. The authors attempt to ground the thesis about potential technological borrowings of some of the radical Dostoyevsky's ideas by geopolitical opponents of Russia in order to penetrate the sphere of cultural and mental codes of Russian superethnos with the purpose to manipulate it in their own interests. In XIX–XXI centuries these interests remained the same: to deprive Russia of its state sovereignty, to undermine national self-consciousness, to disarrange the work of administrative structures. Original ways to withstand the hazards are represented in the article.

Keywords: terror, politics, discourse, culture, miraculous, cultural codes, carnival, manageable chaos, direction of revolutions, liberalism, social technologies, management of events, information wars.

Что может быть общего между Ф. М. Достоевским и Кондолизой Райс? Великим русским писателем-душеведом, почвенником, гением мировой художественной литературы, с одной стороны, и 66-м Государственным секретарем Соединенных Штатов Америки, советником президента по национальной безопасности, — госпожой, отдававшей приказы о применении пыток к политическим заключенным в Гуантаномо и Абу-Грейбе [1] и причастной к организации политических смут в разных странах [2], с другой? Как это ни парадоксально прозвучит, общим у этих двух известных персон является неподдельный интерес к литературной классике как лаборатории общечеловеческой мысли. И если с Достоевским в этом вопросе все абсолютно понятно, то К. Райс всерьез считает себя истинным ценителем творчества самого Федора Михайловича. Так, в 2004 году в программе Л. Парфенова «Намедни» Кондолиза заявила, что она велела Дж. Бушу прочитать

«Братьев Карамазовых», чтобы понять русскую душу [3]. Она неоднократно признавалась, что Россия — ее любимая зарубежная страна, ссылаясь на то, что в прошлом была советологом [4].

Вне всяких сомнений, Госдеп США оказался одним из самых благодарных читателей произведений Ф. М. Достоевского, поскольку воспринял его творчество предельно конкретно, — как руководство к действию. Думается, что автор «Преступления и наказания» и «Записок из подполья» дорог для работников заокеанских спецслужб не особым психологизмом и философским потенциалом текстов и даже не высочайшей эстетикой образов или религиозно-онтологической экзальтированностью. С трудом представляется та же К. Райс, благоговейно созерцающая образ мятущейся Настасьи Филипповны или же истово переживающая бытийный конфликт между должным и данным в сознании Родиона Раскольникова. «Я не старушку убил, я себя убил», — сомнительно, чтобы Конди хотя бы раз обливалась слезами катарсиса над этой патетической фразой.

© Е. А. Цуканов, И. В. Цуканова, 2013

А вот представить «черную пантеру» методично конспектирующей отдельные фрагменты из Достоевского, скрупулезно анализирующей некоторые особо сильные словесные пассажи и поведенческие модели главных действующих персонажей, — это видится совершенно легко и определенно.

Достоевский может быть интересен Госдепу только при одном раскладе — технологическом. В его творчестве заложен неиссякаемый источник информации о том, как устроен микрокосмос русского человека, в частности, и макрокосмос русской цивилизации вообще. Знания, которые дают возможность нашим «партнерам» при желании обратить российский космос в хаос с целью политического давления через него на стратегического и цивилизационного конкурента. О технологиях управляемого хаоса как оружии массового поражения в миропроектной борьбе ученые сегодня говорят достаточно часто [5; 69–78]. Средствами хаотизации социокультурной, политической и экономической жизни на той или иной территории, с точки зрения Стивена Манна — одного из разработчиков и экспертов в этом вопросе в США — являются: содействие либеральной демократии; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего у элит; вытеснение ценностей и идеологии [6; 62]. Не последнюю роль здесь должны играть всевозможные вариации на тему карнавала, о котором говорил Михаил Бахтин [7]. Карнавала, который переворачивает ценностную шкалу этноса, на котором ставится эксперимент, вверх ногами. Сергей Кургинян не без оснований считает, что именно бахтинская смеховость демонтировала весьма прочную социальную матрицу СССР, обрушив затем и советскую государственность [8; 2]. Можно предположить, что в том числе и хорошее знание Достоевского принесло США победу в Холодной войне. Так получилось, что Достоевским на начальном этапе своего научного поприща углубленно занимался и М. Бахтин [9]. И кто знает, как повлияло его раннее увлечение на рост и созревание телемитской концепции, ставшей вершиной интеллектуальной деятельности саранского изгнанника. Одна общая линия у Достоевского и Бахтина бросается в глаза: они оба живописуют мир, вывернутый наизнанку. И если Бахтин со своим фундаментальным трудом «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» — это в каком-то смысле все-таки эпигонство в области теории управляемого хаоса, то Достоевский — самый подлинный первоисточник.

Ф. М. Достоевскому нет равных в исследовании художественными средствами проблемы надвигающейся на Россию во второй половине XIX в.

катастрофы под знаменем нигилизма. Деструктивные процессы, захлестнувшие российское общество того времени, протекали в различных формах — анархизма, народничества, народо-вольческого террора и типичной уголовщины. Федор Михайлович с особой педантичностью, если не сказать, изощренностью, обрисовывает различные проявления социального распада, стремясь, во-первых, огласить суровый приговор хаотизаторам, а, во-вторых, вызвать оцепенение у рядовых читателей. Для этого он использует метод, который условно можно назвать методом дискурсивного «размазывания» и «пережёвывания» [10] вполне безобидных и привычных для той эпохи вещей, на самом деле таящих в себе черты неприкрытого демонизма. Описания злодеяний главных фигурантов произведений иногда складываются у изучаемого автора в технологические цепочки, пошаговые стратегии, а технология, как известно, есть процедура, которая поддается воспроизведению: «это последовательность действий, которая приводит к гарантированному получению результата и может быть передана реципиенту за короткий промежуток времени» [11].

В дальнейшем литературные опыты Ф. М. Достоевского, претерпев по истине чудесные метаморфозы, неоднократно применялись вражескими специалистами по ведению информационно-психологических войн в российском политическом дискурсе XX и XXI вв. как оружие поражения массового сознания граждан РФ. В частности, на наш взгляд, существует много общего между тем, как развивается сюжетная линия в гениальном романе «Бесы» и режиссурой трех русских революций, моделированием перестроечных процессов в нашей стране, а также преднамеренным расшатыванием обстановки т. н. «креативным классом» накануне и после парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг.

Для примера укажем на те места книги, в которых автор расписывает алгоритм разрушения стабильности жизни общества уездного городка, где развиваются печальные события. С этой целью кратко изложим фабулу произведения.

В небольшой провинциальный городок приезжают два молодых человека, которые долгое время приобретали образование, путешествовали за границей, вели светский образ жизни в столице. Николай Ставрогин и Петр Верховенский — они родились в этом городке. У первого здесь живет мать — очень влиятельная помещица Варвара Петровна, у второго отец — Степан Трофимович Верховенский — приживала в доме Ставрогиной, человек с неустойчивым (достаточно либеральным) образом мыслей, поверхностный, неудачно попробовавший себя в науке и публицистике, по совместительству губернатор. Когда-то у него

на воспитании были оба юноши. В кратчайшие сроки Ставрогину и Верховенскому младшему удастся до такой степени нравственно разложить уездную общественность, что город стоял на грани самоуничтожения. События развиваются на фоне складывающейся в России предреволюционной ситуации во второй половине XIX века, идейной платформой для которой служили принципы утопического социализма. Известно, что Ф. М. Достоевский отрекся от революционной деятельности в пользу охранительной после того, как чудом избежал смертной казни [12] по делу об обществе петрашевцев, готовивших государственный переворот. Именно поэтому позднее творчество Ф. М. Достоевского пропитано пафосом борьбы с любыми проявлениями социальной мятежности.

В самых общих чертах методика революции по Достоевскому выглядит так: «Первым делом, — говорит П. Верховенский Н. Ставрогину, — понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалываются глаза, Шекспир побивается камнями...». И далее: «Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит матерьялу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство» [13; 405]. «Если потребуется, мы народ на сорок лет в пустыню выгоним. Но одно или два поколения разврата сейчас необходимо» [13; 408].

В продолжение темы: «Слушайте, мы сначала пустим смуту... мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются... учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв, и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!» [13; 407].

В финале произведения заговорщики из конспиративных соображений убивают бывшего своего товарища Шатова, и один из подручных «бесенят» П. Верховенского Лямшин так объ-

ясняет общую цель их группы: все беззакония, оказывается, творились «для систематического потрясения основ, для систематического разложения общества и всех начал; для того, чтобы всех обескуражить и изо всего сделать кашу и расхатавшееся таким образом общество, болезненное и раскисшее, циничское и неверующее, но с бесконечною жадностью какой-нибудь руководящей мысли и самосохранения, — вдруг взять в свои руки, *подняв знамя бунта...*» [13; 630-631]. По сути, перед нами яркая демонстрация террористической тактики, рассчитанной на устрашение и подавление целевой аудитории ради получения властных полномочий.

Иногда в романе педантично перечисляются чуть ли не программные заявления, под которыми, думается, с удовольствием подписались бы все российские оппозиционеры и диссиденты от декабристов, Герцена, Бакунина, Нечаева и Керенского до Сахарова, Новодворской, Навального, К. Собчак, Каспарова, Касьянова, Акунина, и А. Троицкого. Революционные проекты, обсуждаемые участниками петербургских вечеров у Варвары Петровны Ставрогиной и Степана Трофимовича Верховенского, отличаются клиническим радикализмом: «Говорили об уничтожении цензуры и буквы ъ, о замене русских букв латинскими... о полезности (! — Е. Ц.) раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об (! — Е. Ц.) уничтожении армии и флота, о восстановлении Польши по Днепр, о крестьянской реформе и прокламациях, об уничтожении наследства, семейства, детей и священников, о правах женщины...» [13; 43-44].

Переходим от общих целей возмутительней спокойствия провинциального городка к конкретным организационным моментам, позволившим бесноватой молодежи накалить абсолютно мирную ситуацию. Для нападения на действующую власть П. Верховенский создает т.н. «пятерки», о которых сам говорит, что Россия рано или поздно должна покрыться бесконечной сетью подобных узлов. «Со своей стороны, каждая из действующих кучек, делая прозелитов и распространяясь боковыми отделениями в бесконечность, имеет в задаче систематическою обличительною пропагандой *беспрерывно ронять значение местной власти*, произвести в селениях недоумение, заронить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего, и, наконец, действуя пожарами, как средством народным по преимуществу, *ввергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние*» [13; 520]. Эти пятерки необходимы главному бесу романа и в целях персональной безопасности. П. С. Верховенский — Н. Ставрогину:

«Всего только десять таких же кучек по России, и я неуловим...и у меня повсеместно паспорта и деньги...каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом» [13; 404].

Справедливости ради следует сказать, что «*беспрерывно ронять значение власти*» в версии Достоевского помогает сама власть, провоцируя распространение крамолы. Классик дает чрезвычайно нелицеприятную характеристику губернаторской чете Лембке – Андрею Антоновичу и Юлии Михайловне. Причем делает это через иронию – на все лады расхваливая их отрицательные качества. Всегда на вторых ролях, нерешительный, мягкотелый, во всем покорный супруге Андрей Антонович в конце концов попадает под влияние Петра Верховенского, который умело шантажирует губернатора, проводя в жизнь свою политическую линию. Что касается Юлии Михайловны, то именно она сделала младшего Верховенского своим фаворитом, во всем с ним советовалась, и полностью зависела от его мнения. Подобное стало возможным из-за духовной рыхлости этой женщины, неформальности ее мировоззрения, отсутствия твердых убеждений. «Ей нравились и крупное землевладение, и аристократический элемент, и усиление губернаторской власти, и демократический элемент, и новые учреждения, и порядок, и вольнодумство, и социальные идейки, и строгий тон аристократического салона, и развязность чуть не трактирная окружавшей ее молодежи. Она мечтала дать счастье и примирить непримиримое, вернее же соединить всех и все в обожании собственной ее особы». Нет ничего удивительного в том, что Юлия Михайловна стала инициатором перформанса в доме у Предводительши, закончившегося пожаром в Заречье. Само мероприятие было изначально словно заточено под скандал, необходимый для дальнейшей дискредитации власти, потому что «ясно было еще заранее, что... оплошай в чем-нибудь бал, и взрыв негодования будет неслыханный...» [13; 448]. И дурно здесь вовсе не то, что деньги, собранные по подписке с участников «дня увеселений» должны были облагодетельствовать неких абстрактных бедных гувернанток губернии, рассеянных по России. Мерзко, что формат праздника предполагал смешение возвышенного и низменного, что порождало пошлый колорит, оскверняло человеческие отношения. И именно в этой обстановке происходило зачатие будущей бури, перевернувшей Россию вверх дном. Устроители события в лице Петра Верховенского и кампании постарались, чтобы праздник был максимально «демократическим», т. е. чтобы он объединил людей разного социального статуса (верхушка дворянства, чиновники, мещане, люди без роду, без племени, криминальный сброд,

иногородние темные личности). Собравшиеся в массе своей ожидали от мероприятия чего-то волшебного и изысканного, а получился балаган с «кадрилью литературы», буфетом и пьяным камаринским в придачу. Читались тексты, провозглашавшие великие идеи, а барышни мечтали о конфетах и варенье. Вручали лавровый венок увядающему мастеру слова, который с удовольствием поносит Россию, объявляя ее банкротом пред великими умами Европы. Отвратительно хихикали и ходили на головах, слушали гнусные стишки и тут же их освистывали. В итоге бал, похожий на булгаковский бал сатаны вызвал белую горячку у губернатора и отправил в обморок его жену. Оранжевая революция свершилась, после которой сконфуженное общество уже никогда не станет на сторону власти. Карнавальным эффектом в довершение всего был закреплен гиперболизацией в описании события местными и столичными СМИ. К слову надо сказать, что в нашем представлении оранжевая революция, в отличие от красной, имеет мошенническую, а не героико-идейную подоплеку. «Я – мошенник, а не социалист», – признается П. С. Верховенский Н. Ставрогину [31; 408]. Оранжевая революция всегда конструируется, тогда как красная даже если и имеет свой сценарий, то все равно преисполнена вдохновения. И, кроме того, если красная революционность хотя бы зовет от рабства к свободе, то ее оранжевый аналог ведет в обратном направлении – от свободы в рабство или же от рабства в кромешное рабство). Наглядной демонстрацией последнего тезиса может служить т. н. «шигалевщина» – идейная платформа бесовских ухищрений кружка П. Верховенского. Шигалев, один из членов шайки, не стесняясь, развивает свои, по природе, фашистские мысли, лейтмотивом которых является предложение о разделении человечества на две неравные части. «Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятими. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [13; 392-393]. Еще один признак оранжевых революций – это то, что они творятся под осмеяние и оскорбление всего и вся. Показателен здесь эпизод с музыкальным этюдом «жидка» Лямшина на тему франко-прусской войны. Этюд представляет собой плавную смену в рамках попури патетической и величественной «Марсельезы» на нахально-гадливый мотив «Mein liber Augustin», за которым Достоевскому слышатся требования миллиардов, тонких сигар, заложников и чувствуется безмерно выпитое пиво [13; 319-320].

Сколько раз за годы перестройки и позже, в период ельцинских преобразований похабились классические произведения музыки, литературы, поэзии в сатирических передачах ТВ, что вытравило идеальное из культурного архетипа народа. На это же рассчитана и технология надругательства над святыней. В «Бесах» описывается случай с разбитой внехрамовой иконой, которую не только обокрали, но и для забавы подбросили живую мышь внутрь за стекло. Собравшийся после этого на площади народ безучастно глазееет на последствия вандализма, не предпринимая ровным счетом ничего. Объектом издевательства иногда выступает смерть, и тогда мы можем говорить о некрофизме как особом качестве т.н. «неформальной оппозиции». История с застрелившимся в городской гостинице подростком, прокутившим семейные деньги, ставшая развлечением для ватаги гуляк, предводительствуемой Верховенским младшим, как нельзя лучше иллюстрирует проявления некрофизма. Кампания преднамеренно посещает гостиничный номер для того, чтобы созерцать самоубийцу. Все это обставляется как занимательное приключение, закончившееся даже поеданием винограда с тарелки умершего [13; 323–325]. Экстремальные развлечения свойственны людям особого типа, склонным к принципиальному ниспровержению наличествующих ценностей. Поведение Петра Верховенского и его последователей очень напоминает поведение гуру питерского рок-движения середины 1980-х – начала 1990-х Сергея Курехина с ультраэпатажными выходками его оркестра под названием «Поп-механика». Борис Гребенщиков говорил, что «Поп-механика» – это совершенно особый вид искусства. Не концерт, не поэтический вечер, не эстрадное шоу. Совсем другое. Новое искусство не было рассчитано на то, чтобы его смотрели или слушали... Суть этого искусства – плевков в душу аудитории. Если выходя из зала, зритель ощущал себя обмакнутым в унитаз – концерт удался [14; 81–82]. Как пишет Илья Стогов, Курехина на пике его славы интересовал процесс обнаружения святости и уничтожения ее. «Наступить и почувствовать, как она там хрустит под подошвой», – вот главный метод деятельности «Поп-механики» [14; 84]. Однажды Курехин заявил: «Вообще, культура – это большая ошибка, это огромное количество друг на друга наслаиваемых ошибок за всю историю человечества» [15]. И, видимо, проводя своего рода «работу над ошибками», бандитствующий в сфере культуры шоу-мэн мог действовать очень радикально. Рассказывают, как Курехин глумился над финнами. «Перед концертом в Хельсинки он думал об идее концерта: что самое святое у финнов? Победа финской сборной по хоккею на чемпионате мира.

И по идее Курехина, главный враг финских хоккеистов – огромный швед с клошкой наперевес «насилует» на сцене всю финскую команду по очереди. Финны – устроители концерта от этой идеи пришли в негодование. Но для Курехина это нормально – выбрать самое святое и эстетически надругаться» [15]. Костюм презерватива, в котором в декабре 2011 года пришел на Болотную площадь «перманентный революционер» Артемий Троицкий со своими требованиями к Путину – это жест из того же арсенала культур-террористических средств. И, закольцовывая долгую серию уже отнюдь не книжных примеров деструктивных контркультурных действий современных революционеров, необходимо отметить, что и С. Курехин, и А. Троицкий [16] начинали свои систематические атаки на отечественную культуру по методу Петра Верховенского с довольно-таки длительных турне по США, где творчество Ф. М. Достоевского, как мы выяснили, ценят и любят. Случайность? Совпадение? Так обычно работают с лидерами общественного мнения, желая в дальнейшем через них выйти на более массовую аудиторию. И у Достоевского тема обучающей наших революционеров и либералов роли заграницы иногда явно, а иногда полунамеком встречается достаточно часто. «На мой век Европы хватит», – бахвалится известный писатель Кармазинов, живущий в Карлсруэ, а Россию критикующий. Верховенский мл. – Н. Ставрогину о членах его кружка: «Все это материал, который надо организовать, да и убираться». Кстати, так и произошло. После убийства Шатова П. Верховенский быстро оказывается за пределами России. Интересен в этой связи и американский опыт Кириллова и Шатова, который был ознаменован для последнего началом революционной карьеры.

Много и других управленческих секретов в плане менеджмента социальным хаосом раскрывает Ф. М. Достоевский на страницах изучаемой книги. Это и диверсионная работа с фабричными (распространение листовок, прокламаций, открытые призывы к бунту) в эпизоде, названном «шпигулинской историей», по многим параметрам похожей на протекание «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. И технология ритуального формирования сплоченной организации ниспровергателей на крови (казнь Шатова): «Связать преступлением, чтобы получить власть» [13; 403]. И констатация факта т. н. «раскачки» общественного мнения через СМИ по вопросу о даровании мужикам всевозможных свобод: «... мы их (мужичков. – Е. Ц.) ввели в моду, и целый отдел литературы, несколько лет сряду, носился с ними как с новооткрытой драгоценностью» [13; 55]. Подобное сегодня среди специалистов по ИТ-технологиям называется «запуском инфор-

мационной волны» [17]. Присутствуют и явные рекомендации по отбору кадров, способных «дурно направить мысли» миллионов, организовать «беспорядок умов»: «Все одаренные и передовые люди в России были, есть и будут всегда картежники и пьяницы...» [13; 81]. Иными словами, это должны быть беспринципные, погрязшие в страстях и склонные к нравственному разгулу натуры. В общем, бесы они и есть бесы без всяких аллегорий [34].

Не менее сотни раз в книге звучит смех в разных его вариациях. Думается, это не случайное художественное средство, а обдуманно вплетенная в ткань романа атрибутика Телема (отсылка к сатанизму Рабле, который, как мы помним, работал в свое время в роли заказного ниспровергателя одной власти в пользу другой). И очевидно, что все то буйство смеха, регулярно разыгрываемого перед нами в развлекательных передачах, типа «Comedy Club», «Наша Russia», а раньше в «Окнах», «Кривом зеркале», «Аншлаге», «КВН» и проч. формирует духовно-метафизическую смуту, которая, если ее вовремя не остановить, вызовет тектонические сдвиги на уровне государственного устройства и политической философии. Фрагмент Евангелия, в котором Христос исцеляет бесноватого, изгоняя из него бесов и вселяя их в стадо свиней, которое бросилось с крутизны в озеро и погребло, на современном этапе не есть только предупреждение нам. Это еще и демонстрация наглядной модели ведения войны до полного уничтожения (порабощения) народа конкурирующего государства. И если террор сегодня, благодаря развитию филологии и других наук гуманитарного цикла, проникает в сферу ментальных и культурных кодов того или иного этноса-жертвы, то актуальность ведения антитеррористических операций в этом идеальном мире не вызывает сомнений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дарья Клименко. Инквизитор по национальной безопасности [Электронный ресурс] / Клименко Дарья. — Режим доступа: <http://vz.ru/society/2009/4/23/279640.html>.
2. Кондолиза Райс : «Пришло время свергнуть режим аятолл в Иране» [Электронный ресурс] / Райс Кондолиза. — Режим доступа: <http://www.newsru.co.il/world/06nov2011/rice456.html>; К. Райс : «США и Европа должны остановить Россию» [Электронный ресурс] / Кондолиза Райс. — Режим доступа: <http://www.rbc.ua/rus/top/2008/09/19/433309.shtml>; Кондолиза Райс: «Грузия и Украина обязательно будут членами НАТО» [Электронный ресурс] / Райс Кондолиза. — Режим доступа: <http://www.nedelia.lt/world/7163-kondoliza-raijs-gruzija-i-ukraina-objazatelno.html>.
3. См.: Леонид Парфенов любит жить со вкусом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vsar.ru/2010/01/1-parfenov-lybit-jit-so-vkusom/>.
4. Роман Федосеев. Райс отвечает за пытки [Электронный ресурс] / Федосеев Роман. — Режим доступа: <http://www.vz.ru/politics/2009/5/5/283457.html>.
5. Лепский В. Е. Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития / В. Е. Лепский // Информационные войны. — № 4 (16). — 2010.
6. Mann S. R. Chaos Theory in Strategic Thought / S. R. Mann // Parametes. Autumn, 1992.
7. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — М. : Художественная литература, 1990. — 544 с.
8. Кургинян С. Кризис и другие. Часть XXXV / С. Кургинян // Завтра. Газета государства российского. — № 42 (830). — 14.10.2009.
9. Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Том 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х -1970-х годов / М. М. Бахтин. — М. : Русские словари, Языки славянских культур, 2002. — 800 с.
10. По аналогии с методом отстранения, обнаруженного В. Шкловским («О теории прозы») у Л. Н. Толстого, мы вводим данное понятие, которым как инструментом часто пользуется Достоевский. Метод размазывания первоначального смысла позволяет Достоевскому выявлять и вытягивать на поверхность скрытые от невооруженного взгляда обывателя последствия каких-то поступков, мыслей, чувств, имеющих не бытовое, а аксиологическое и даже сотериологическое значение. Кстати, и сам автор зачастую квалифицировал долгие и утомительные монологи и диалоги своих литературных героев, в которых предстают мельчайшие, зачастую очень гнусные, подробности их деяний как размазывание и пережевывание. Например, разговор злоумышленников у грота перед убийством Шатова в главе пятой «Многотрудная ночь» части третьей романа «Бесы» (См. Достоевский Ф. М. Бесы : Роман в трех частях / Ф. М. Достоевский. — М. : Современник, 1993. — С. 566).
11. Гордеев М. Искусство и технология: два подхода к управлению [Электронный ресурс] / М. Гордеев, А. Борисов, Н. Коршак. — Режим доступа: http://www.treko.ru/show_article_1298.
12. См.: Селезнев Ю. И. Достоевский / Ю. И. Селезнев. — М. : Молодая гвардия, 1981. — 543 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
13. Достоевский Ф. М. Бесы : Роман в трех частях / Ф. М. Достоевский. — М. : Современник, 1993. — 638 с.
14. Стогофф И. Рейволюция. Роман в стиле техно / Илья Стогофф. — М. : Астрель : АСТ : Полиграфиздат, 2010. — С. 81-82.
15. Бачуров В. Вся эта суета [Электронный ресурс] / В. Бачуров. — Режим доступа: <http://www.aquarium.ru/documents/people/kurekhin/ivanov/vanity.htm>.
16. См. как это было в книгах самого Артемия Троицкого : Троицкий А. Гремучие скелеты в шкафу : [сборник статей] : Т. 1 : Запад гниет (1974-1985) / Артемий Троицкий. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2008. — 340 с.; Троицкий А. Гремучие скелеты в шкафу : [сборник статей] : Т. 2 : Восток алеет (1978-1991) / Артемий Троицкий. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2008. — 273 с.

Е. А. Цуканов, И. В. Цуканова

17. Ашманов И. Анатомия новостей [Обучающий видеоролик] / И. Ашманов. – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/17810#more-17810>.

18. Характерно, что российские телевизионщики, не сговариваясь, окрестили бесами участниц скандально-знаменитой панк-группы «Pussy riot», пропевших с амвона

Храма Христа Спасителя свои святотатства. См. на эту тему программу Аркадия Мамонтова «Провокаторы» от 24.04.2012 г. – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/17517#more-17517> и видеофильм, снятый на НТВ «Бесы на свободе». – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/17279>.

Цуканов Е. А.

К.ф.н., доцент кафедры социально-культурной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры.

E-mail: tsukanov@rambler.ru

Цуканова И. В.

К.ф.н., доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры.

E-mail: tsu1975@yandex.ru

Tzukhanov E. A.

Ph.d., associate professor of social and cultural activity department. Belgorod State Institute of Art and Culture.

E-mail: tsukanov@rambler.ru

Tzukhanova I.V.

Ph.d., associate professor of philosophy and history of science department. Belgorod State Institute of Art and Culture.

E-mail: tsu1975@yandex.ru